

ПРОРЫВ БОБРОВА

Вихрастый, с носом чуть картошкой, –
ему в деревне бы с гармошкой,
а он – в футбол, а он – в хоккей.
Когда с обманным поворотом
он шел к динамовским воротам,
то перекусывал с проглотом
свою «казбечину» Михей.

Кто – гений дриблинга, кто – финта,
а он вонзался, словно финка,
насквозь защиту пропоров.
И он останется счастливо
разбойным гением прорыва,
бессмертный Всеволод Бобров!

«Насквозь» – вот был закон Боброва.
Пыхтели тренеры багрово,
но был Бобров необъясним.
А с тем, кто бьет всегда опасно,
быть рядом должен гений паса, –
так был Федотов рядом с ним.

Он знал одно, вихрастый Севка, –
что без мяча прокиснет сетка.
Не опускаясь до возни,
в безномерной футболке вольной
играл в футбол не протокольный –
в футбол воистину футбольный,
где забивают, чёрт возьми!

В его ударах с ходу, с лёта
от русской песни было что-то.
Защита, мокрая от пота,
вцеплялась в майку и трусы,
но уходил он от любого,

Шаляпин русского футбола,
Гагарин шайбы на Руси.

И трепетал голкипер «Челси».
Ронял искусственную челюсть
надменный лорд с тоской в лице.
Опять ломали и хватали,
но со штырей на льду слетали,
трясясь, ворота ЛТЦ.

Держали зло, держали цепко.
Таланта высшая оценка,
когда рубают по ногам,
но и для гения не сладок
почёт подножек и накладок,
цветы с пинками пополам.

И кто-то с радостью тупою
уже вопил: «Боброва с поля!».
Попробуй сам не изменись,
когда заботятся так добро,
что обработаны все рёбра
и вновь то связки, то мениск.

Грубят бездарность, трусость, зависть,
а гений всё же ускользает,
идя вперед на штурм ворот.
Что ж, грубиян сыграл и канет,
а гений и тогда играет,
когда играть перестает.

И снова вверх взлетают шапки,
следа полёт мяча и шайбы,
как бы полёт иных миров,
и вечно – русский, самородный,
на поле памяти народной
играет Всеволод Бобров!

1969